

УДК 94(497.16)+94(47).083
DOI 10.52452/19931778_2023_6_18

ПЕРВАЯ КОНСТИТУЦИЯ ЧЕРНОГОРИИ И РУССКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ (1905–1907 гг.)

© 2023 г.

М.В. Медоваров

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

mmedovarov@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.10.2023

Статья посвящена реакции русского общественного мнения на примере ведущих журналов всех направлений на введение в Черногории конституции в декабре 1905 г., совпавшее по времени с поворотом России к конституционализму. Отмечены исторические корни и перспективы черногорских реформ. Рассмотрена реакция или ее отсутствие правой и либеральной прессы России на произошедшие в славянском княжестве перемены. Особое внимание уделено эволюции позиции «Славянских известий», пристально следивших за развитием черногорского конституционализма в 1905–1907 гг.

Ключевые слова: конституция Черногории, Никола I Негош, Никольданский устав, русское общественное мнение.

Одновременно с пиком первой русской революции и изданием манифеста 17 октября 1905 г. на тот же путь октроированной конституции и либеральных реформ вступил давний союзник России – Черногорское княжество. Реформы суда и местного самоуправления 1902–1903 гг., усилившие напряженность в черногорском обществе, были умело смягчены князем Николой через манифест 18 октября 1905 г., объявлявший о выборах в скупщину (фактически в роли учредительного собрания) и введении новой конституции. 6 (19) декабря 1905 г. собравшаяся скупщина покорно проголосовала за заранее подготовленный в княжеской канцелярии текст конституции. По оценкам историков, черногорская конституция не просто была принята под влиянием русской революции, она на четыре месяца предвосхитила по содержанию и распределению полномочий власти Основные законы Российской империи 1906 г. [1, с. 85–91].

Ввиду чрезвычайного возбуждения русского общества в последние три месяца 1905 г. конституционными вопросами сам факт отклика на черногорские события был ожидаемым. Исследование реакции русской прессы разных направлений на случившееся и является задачей данной статьи. Основное внимание прессы в октябре – декабре 1905 г. привлекал Портсмутский мир, судьбы англо-японского союза, отделение Норвегии от Швеции, антирелигиозное законодательство во Франции, смена правящей партии в Великобритании, начало глубокого конституционного кризиса в Австро-Венгрии и греко-румынский конфликт, однако черногорская тема оказывалась следующей по популярности.

Единственный правомонархический журнал того времени, «Русский вестник», ежемесячно занимаясь обличением российских конституционалистов и конституционализма как такового, промолчал о произошедших в Черногории событиях. Вероятно, октроированная князем конституция как альтернатива революции не казалась привлекательной для крайне правых. Промолчала о событиях в Черногории и ведущая правомонархическая газета «Московские ведомости», хотя в те же самые дни декабря 1905 г. она активно комментировала новости из соседних с Черногорией государств.

Никак не откликнулись на Никольданский устав ни ведущий либеральный журнал России «Вестник Европы», ни народническое «Русское богатство», что может объясняться нелюбовью этих журналов к славянским темам вообще. Единственный либеральный отклик прозвучал в «Русской мысли», где В.А. Гольцев дословно процитировал текст манифеста «престарелого князя Николая», в котором объявление о раздаче народу нового оружия сочеталось с призывом к ориентации на «более прогрессивные» народы и отказу от «нашего патриархального режима». Публицист воздерживался от одобрительного комментария и лишь радовался, что «в Европе отныне только Турция управляется деспотически» [2, с. 257]. Гораздо больше его волновал конституционный кризис в Австро-Венгрии.

«Новое время», в 1905 г. с праволиберальных позиций выступавшее за введение в России парламентского представительства, откликнулось на события в Черногории лишь после созыва учредительной скупщины в декабре, сна-

чала перечислив новый состав княжеского правительства [3, с. 2], а на следующий день опубликовав пересказ тронной речи князя Николы: «Князь высказал убеждение, что теперь время самодержавия для Черногории миновало. Князь дал конституцию, которая является возлюбленным его детищем, плодом личных его убеждений и наследием либеральных его предков, всегда содействовавших развитию чувств свободы. Князь благодарил народ за верность, упомянул об участии в проекте конституции княгини Милены и сообщил, что правительство внесет в скупщину проект основного конституционного закона». «Новое время» не проявило никакой критики в отношении утверждений князя, во многом ложных по существу, одобрительно перечислило новые законопроекты Николы и процитировало его слова о том, что «Черногория после Бога больше всего обязана России» [4, с. 2].

В реакции либералов и панславистов на введение черногорской конституции по воле князя Николы I поражает неосведомленность об отрицательной реакции на это самих черногорцев. Историки отмечают, что инициатива введения конституции принадлежала княжеской семье и высокопоставленным политикам, в то время как абсолютное большинство народа восприняло новшества враждебно [1, с. 88]. Более того, «конституционная система, введенная в Черногории, в значительной мере способствовала сохранению абсолютной власти» Николы, а «Народная скупщина в основном служила ширмой, скрывавшей этот абсолютизм» [5, с. 132–133].

Совсем иную, чем у «Нового времени» и «Русской мысли», реакцию на черногорский конституционализм можно было бы предполагать у такого ведущего панславистского журнала России, как официальный орган столичного Славянского благотворительного общества – «Славянские известия», выходивший раз в полтора месяца. В начале 1906 г. обозреватель этого журнала К. Бербенко, подводя итоги минувшего года, заметил: «В Черногории автократизм уступил место конституционно-монархической форме правления: князь Никола пришел к убеждению, что этот вопрос и в Черногории назрел. Эта важная, знаменательная перемена в маленьком славянском государстве прошла тихо и мирно» [6, с. 87]. Летом 1906 г. «Славянские известия» отметили развитие конституционализма в княжестве: назначение выборов в первую полноценную скупщину, закон о назначении членов Государственного совета князем Николой, закон о двойной ответственности министров перед князем и скупщиной, о создании государственного суда, государственного банка и введении собственной валюты [7, с. 390–391].

Поскольку «Славянские известия» в 1905 г. стояли на достаточно либеральных позициях, критикуя самодержавие и требуя созыва хотя бы совещательного представительства, неудивительна их положительная оценка черногорских конституционных реформ. Однако впоследствии журнал стал более сдержанно смотреть на происходящие преобразования в обеих странах, что отразилось, например, в статье под псевдонимом Икс. Ввиду полного текстуального совпадения этой статьи с анализируемой ниже работой известного ученого-слависта П.А. Ровинского, можно уверенно установить его авторство, ранее не отмечавшееся в историографии.

В декабре 1906 г. Ровинский подводил итоги первого года черногорской конституции и возвращался к реакции первых дней на эту реформу. Он отметил недовольство общества, считавшего конституцию обманным маневром, который оставил реальные рычаги власти в руках князя Николы, прикрывшего эту ситуацию показательной сменой членов правительства и Госсовета. В течение пары месяцев были приняты новые уголовный, гражданский кодекс, устав о печати и т.д., и перед этой переменой «все благоговейно преклонялись, а иные и недоумевали. Существенной же перемены режима в самой жизни не чувствовалось» [8, с. 620]. В реальности, по мнению журналиста, «автократизм» даже усилился: «Опираясь на конституцию правительство вообще почувствовало себя сильнее и потому стало действовать во внутренних делах смелее и меньше, чем когда-либо, справлялось с народными желаниями и общественным мнением» [8, с. 621]. Единственная в Черногории газета «Уставность» была объявлена либеральной и конституционной, но на деле была правительственной и выступала в защиту любых мер власти против народного мнения. Лишь в октябре 1906 г. в стране появилась вторая, действительно оппозиционная газета. Первая скупщина, собравшаяся 18 октября 1906 г., состояла почти сплошь из министров, судей, чиновников и священников, и хотя она добилась смены многих министров, в целом в лояльности депутатов к своей власти князь Никола мог не сомневаться [8, с. 622–624].

Венчало реакцию «Славянских известий» на Никольданский устав исследование жившего долгое время в Черногории П.А. Ровинского (на этот раз под псевдонимом Р-ц) «Черногорская автократия и конституция» объемом свыше ста страниц. Оно публиковалось в журнале на протяжении девяти выпусков, с осени 1906 по самый конец 1907 г.

П.А. Ровинский отметил неожиданность для общественности объявления конституции кня-

зем Николой, недоумения по этому поводу, воспоминания о предыдущей конституционной попытке 1868 г. Признавая напряженное экономическое положение Черногории, объяснение случившемуся повороту исследователь искал в характере черногорского самодержавия, которое, по словам князя, всегда считало себя ответственным перед народом: «Мы были не деспоты, а мученики ради народного блага» [9, с. 421]. Особенность развития маленькой страны он усматривал в наличии у митрополитов лишь духовной власти над самостоятельными племенами: государственные органы Черногории сложились лишь в XIX в. Автор считал поворотным моментом кризис престолонаследия 1851 г. и самопровозглашение Данилы светским князем и самодержцем с отсылкой к якобы имевшему место волеизъявлению русского императора Николая I [9, с. 425–432]. Самым удивительным в этом событии стала пассивность и определенное равнодушие, с каким установление абсолютизма встретил народ (не считая мятежей отдельных кланов): «Переворот, совершенный Даниилом Петровичем, был подготовлен исторической жизнью Черногории, был неизбежен и рано или поздно должен был совершиться; он в то же время вполне отвечал духу черногорского народа» [9, с. 507]. Последующее молчание и слепое повиновение черногорцев деспотическим решениям князя Данилы Ровинский тоже объяснял национальным характером и сравнивал с покорностью древних римлян отцам семейств [9, с. 515]. Этим патриархальным деспотизмом он оправдывал отсутствие организованной оппозиции князю, когда тот порвал связи с Россией и пытался переориентироваться то на Францию, то на Турцию вразрез со всей черногорской историей и церковью. Вот почему полвека спустя, в 1905 г., народ столь же спокойно воспринял переход от абсолютизма к конституционной монархии.

Последовательно рассматривая политическую и культурную историю всего правления Данилы и Николы, П.А. Ровинский останавливался на первой попытке ввести конституцию в 1867–1868 гг., когда все окружающие воспротивились либеральным порывам молодого князя, и в итоге реформы ограничились созданием казначейства и речью князя перед назначенной им скупщиной в конституционном духе [9, с. 15–16]. По мнению исследователя, патриархальный характер власти и народа в Черногории на протяжении десятилетий способствовал близким отношениям князя с народом. Этот образ жизни стал разрушаться к концу XIX в. в связи с европеизацией городов и дорог в стране. «Имущественный законник» 1888 г. впервые беспреце-

дентно выпукло утвердил самодержавный характер власти Николы [9, с. 24]. Однако усложнявшаяся жизнь, тысячи судебных исков делали невозможным личное решение князем всех вопросов. Тотальная военизация всего народа с ничтожным объемом экономики, мизерным количеством школ, отсутствием рабочих мест делали ситуацию в княжестве уникальной, приводили к массовой трудовой эмиграции черногорцев за рубеж, провоцировали глухое недовольство князем, не выливавшееся, однако, ни в какие выступления против самодержавной системы. Таким образом, мотивом к введению конституции 1905 г. для Николы Негоша, с точки зрения «Славянских известий», послужила не прямая угроза революции или беспорядков, а общее расстройство дел в стране: «Само правительство должно было искать выхода из такого положения. И автократия, достигшая в этом периоде своего расцвета, увидела, что ничего не остается, как переменить курс, вступить на новый путь. Это – путь реформ» [9, с. 94]. По словам публициста, черногорское правительство пыталось создать «европейское, современное государство» на путях покорности и безмолвия народа [9, с. 174], но его инстинктивный, стихийный ропот вынудил князя в конце 1902 г. начать судебную и финансовую реформы, преобразования государственной службы и самоуправления, до предела усилившие бюрократическую вертикаль власти. Балансируя на грани банкротства и пытаясь пополнить бюджет, правительство ввело ненавистную народу табачную монополию, фактически переданную в руки итальянцев, что вызвало возмущение патриархальных черногорцев, ответивших поджогами и убийствами [9, с. 178–181]. Введение плохо продуманного заградительного таможенного тарифа на бытовые товары в 1905 г. обнулило доходы казны, что привело к закрытию учебных заведений.

Реформы 1902–1905 гг. Ровинский характеризовал как «аферы» и «апогей автократии», приведший к унынию в народе и внезапному ходу Николы с объявлением конституции: «Это было для всех так неожиданно, так не согласовывалось с абсолютизмом, который в то время господствовал в Черногории, что за границей объявление конституции встречено было с каким-то сомнением и недоверием, а после вызвало различные толкования» [9, с. 186]. Публицист подробно рассматривал события осени 1905 г.: отправку экспертов в Сербию для изучения конституций, прокламацию (манифест) князя Николы от 18 октября о «любви к свободе» и даровании народного представительства. Подчеркивалось, что слово «конституция» в

самой прокламации не упоминалось, но в тот же день был издан указ о выборах в скупщину, а на следующий день – принят избирательный закон [9, с. 256–257]. Освещалось первое неофициальное заседание скупщины 3 декабря, имевшее характер частных бесед с Николой, и тронная речь 6 декабря, совпавшая со сменой правительства. Ровинский обращал внимание на позиционирование князя в этой речи как доброго монарха, который никогда не был деспотом, не чувствовал никакого недовольства в народе и просто ради соответствия «духу времени» решил осчастливить его конституцией. Несмотря на ссылку на «либеральные понятия» предков монарха, бросался в глаза его маневр по оттягиванию реформ: первая законодательная скупщина должна была собраться (и собралась) лишь год спустя, а подписанный закон о свободе печати вступал в силу еще позже – лишь с февраля 1907 г. [9, с. 260–262]. В качестве экономических достижений назывались наиболее ненавистные черногорцам явления: табачная монополия итальянцев, их собственный телеграф и пароходство, увеличение расходов бюджета и долгов и т. д.

Вывод Ровинского о политике князя был суммарным: «Во всей его деятельности по внутреннему устройству Черногории красною нитью проходит желание дать ей, по крайней мере, вид современного европейского государства. Правда, при этом переносилось на черногорскую почву много такого, что и в Европе отжило свой век и держалось только на исторической традиции, а для Черногории было не только не нужно, но имело последствия худшие, чем в других государствах, откуда оно заимствовано. <...> О политической свободе, дающей народу не только право личного самоопределения, но и право на участие в правительственных делах, у черногорца не было и понятия, а потому не было и стремления к ней» [9, с. 264]. Причиной, почему свою давнюю мечту о конституции «либеральной» князь Никола реализовал только в конце 1905 г., Ровинский считал его зависимость от России и ее строя: «Теперь же, когда и в России началось и достигло уже значительного успеха освободительное движение, князь свободно может вводить у себя самые либеральные учреждения, соображаясь только с духом и потребностями своего народа, в полной уверенности, что это в России найдет самое горячее сочувствие и еще больше закрепит историческую связь ее с Черногорией» [9, с. 265].

Однако Ровинский не ограничился общими похвалами Николе, а сделал акцент на фиктивности конституции, позволявшей князю распустить скупщину неограниченное число раз, при-

нимать бюджет без нее в случае роспуска и т. д. Публицист подчеркивал, что депутаты «учредительной» скупщины 6 декабря 1905 г. (50 чиновников и священников и 11 торговцев) попросту не поняли смысл прочитанного им документа и были не в состоянии оценить его значение [9, с. 265–266]. Что касается реформ 1906 г., проводившихся руками молодых специалистов-западников, то Ровинский отметил их негативное восприятие черногорцами. Менторский тон нового правительства, «воспитывавшего» народ в духе западного конституционализма, слепо копировавшего сербские законы без учета местных особенностей, раздававшего ресурсы страны итальянцам, вызвал отторжение и критику нового строя [9, с. 387–392]. В оценке официальной газеты «Уставност» Ровинский буквально повторял свои прошлогодние выводы [9, с. 536–539]. «Новое правительство относится к народу свысока и намерено идти, не справляясь ни с чьим мнением и желаньем, – констатировал публицист. – Новые правители и по объявлении конституции продолжали действовать в духе прежнего автократического режима, только еще с большею строгостью требуя исполнения своих предписаний» [9, с. 537]. «В судах неправда, в чиновничестве холопство и вообще испорченность, кругом воровство, разоренье страны и обеднение, заставляющее черногорцев покидать свою родину и скитаться по чужим краям», – отмечал Ровинский, говоря о фальшивости новой конституции [9, с. 540]. Однако попытка правительства расправиться над авторами оппозиционной брошюры провалилась, они были оправданы судом, что свидетельствовало о смене политического климата в княжестве [9, с. 540–544]. Заключительные части работы Ровинского были посвящены рассмотрению деятельности скупщины в конце 1906 г. (например, племенному характеру выборов депутатов) и поэтому остаются вне рамок анализа в данной работе. Интерес здесь представляют только ремарки о легкости усвоения черногорцами парламентских приемов наряду с тяжелыми пережитками покорного послушания начальству: «Черногорской скупщине предстоит борьба со старым режимом, трудная сама по себе, осложняющаяся еще тем, что прежде всего она сама должна отрешиться от его влияния, постоянно работать на свою собственную эмансипацию от него» [9, с. 654].

В конечном счете Ровинский приветствовал желание абсолютных монархов поделиться своим долгом и ответственностью за народ с парламентом и в этом смысле выступал за конституцию и в России, и в Черногории [9, с. 657]. Он считал военно-патриархальный деспотизм князя

естественным для Черногории в прошлом, но устаревшим после 1878 г. Ввиду того, что роль князя в стране всегда основывалась на престиже, а не на самой власти, переход к конституции 1905 г. был воспринят спокойно и даже привел к «оживлению» народа и «облегчению» князя, полагал Ровинский; он даже говорил о блестящих перспективах конституционной Черногории на путях «общечеловеческой цивилизации» и «просвещенного света» [9, с. 660]; но такой вывод, сделанный им в конце 1907 г., то есть два года спустя, был далек от безусловной апологии, характерной для русской прессы времен либеральной эйфории конца 1905 г.

П.А. Ровинский колебался между одобрением общей тенденции либеральных реформ в Черногории и России и хорошим знанием конкретных прагматичных мотивов действий князя Николы, который стремился конституционным маневром удержать власть в условиях неграмотного патриархального общества, ничего толком не понявшего в спущенной ему сверху конституции. Двойственность позиции Ровинского была созвучна колебаниям русских панславистов из Славянского благотворительного общества (таким, как В.Н. Кораблев и А.В. Васильев) в период революции 1905–1907 гг. На этом фоне понятны позитивные оценки черногорской конституции умеренными органами вроде «Нового времени» и «Русской мысли», притом что краткость их отзывов объясняется плохим знанием обстановки в Черногории. Это же обстоятельство наложило отпечаток на молчание иных либеральных периодических изданий, в то время как крайне правые публицисты, лучше осведомленные о славянском мире, по-

видимому, умышленно умалчивали о черногорских событиях. Вместе с тем в последующие годы, по мере роста общественной активности в Черногории и созыва общеславянских съездов, интерес к данной проблематике в русском общественном мнении будет возрастать.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-78-10006, <https://rscf.ru/project/22-78-10006/>.

Список литературы

1. Хлебникова В.Б. Черногория: феномен национальной государственности. 1878–1916 гг. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. 239 с.
2. В.Г. [Гольцев В.А.] Иностранное обозрение // Русская мысль. 1905. № 11. С. 254–258.
3. Телеграммы // Новое время. 1905. № 10679. 8 (21) декабря. С. 2.
4. Телеграммы // Новое время. 1905. № 10680. 9 (22) декабря. С. 2.
5. Андрияшевич Ж.М. Черногория с древнейших времен до Балканских войн // История Черногории с древнейших времен до 2006 года. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. С. 9–139.
6. Бербенко К. Балканский полуостров в 1905 году // Славянские известия. 1906. № 1. С. 86–90.
7. Хроника // Славянские известия. 1906. № 5. С. 388–392.
8. Икс. [Ровинский П.А.] Годовщина черногорской конституции // Славянские известия. 1906. № 8. С. 620–624.
9. Р-ц. [Ровинский П.А.] Черногорская автократия и конституция // Славянские известия. 1906. № 6. С. 420–432; № 7. С. 505–517; 1907. № 1. С. 12–28; № 2. С. 83–94; № 3. С. 174–186; № 4. С. 255–266; № 5. С. 387–393; № 6–7. С. 536–547; № 8. С. 641–661.

THE FIRST CONSTITUTION OF MONTENEGRO AND RUSSIAN PUBLIC OPINION (1905–1907)

M.V. Medovarov

The article is devoted to the reaction of Russian public opinion, using the example of leading periodicals of all directions, to the introduction of a constitution in Montenegro in December 1905, which coincided with Russia's turn to constitutionalism. The historical roots and prospects of Montenegrin reforms are noted. The reaction or its lack of the right-wing and liberal press of Russia to the changes that took place in the Slavic principality is considered. Particular attention is paid to the evolution of the position of *Slavyanskije Izvestia*, which closely followed the development of Montenegrin constitutionalism in 1905–1907.

Keywords: constitution of Montenegro, Nikola I Njegoš, Nikoldansky charter, Russian public opinion.

References

1. Khlebnikova V.B. Montenegro: the phenomenon of national statehood. 1878–1916. M.: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2016. 239 p.
2. V.G. [Goltsev V.A.] Foreign review // Russian thought. 1905. № 11. P. 254–258.
3. Telegrams // New time. 1905. № 10679. December 8 (21). P. 2.
4. Telegrams // New time. 1905. № 10680. December 9 (22). P. 2.
5. Andriyashovich J.M. Montenegro from ancient times to the Balkan wars // History of Montenegro from ancient times to 2006. M.: OLMA Media Group, 2010. P. 9–139.

6. Berbenko K. The Balkan Peninsula in 1905 // Slavic News. 1906. № 1. P. 86–90.

7. Chronicle // Slavic news. 1906. № 5. P. 388–392.

8. X. [Rovinsky P.A.] Anniversary of the Montenegrin Constitution // Slavic News. 1906. № 8. P. 620–624.

9. R-с. [Rovinsky P.A.] Montenegrin autocracy and the Constitution // Slavic News. 1906. № 6. P. 420–432;

№ 7. P. 505–517; 1907. № 1. P. 12–28; № 2. P. 83–94;

№ 3. P. 174–186; № 4. P. 255–266; № 5. P. 387–393;

№ 6–7. P. 536–547; № 8. P. 641–661.